

Даешь "Золушек" хороших и разных

Ричард Бониндж сводил москвичей в музей

Кудымурра. — 1998. — 24-30 дек. — с. 8

Известный австралиец вообще обожает музей — как в смысле неприятия какой бы то ни было актуализации оперы ("не переписывают же в современном духе костюмы и прически на картинах в галерее!"), так и в смысле страсти к раритетным музыкальным вещам, коллекционированием которых он занимается лет пятьдесят, время от времени являя их публике.

Три года назад дирижер, тогда впервые приехавший в Россию, показал петербуржцам и москвичам "Орфея и Эвридику" Гайдна, призвав на постановку наших солистов, наш детский хор и наш оркестр. Теперь он представил Москве материализованное почти таким же способом оперное полотно Николо Изуара "Золушка". Знакомым названием смущаться не станем — "Золушек" в мировом музыкальном каталоге с десяток. Но эта — абсолютная terra incognita. И не только для России, но даже для Европы, в парижском черве которой можно найти и улицу, названную именем ее автора, и само его изображение на фасаде Гранд Опера. Было время — слава композитора-мальтийца (творившего под псевдонимом Николо), как и слава его "Золушки", гремела на всю Европу. Но первого сгубила слабость характера — он не перенес возвышения своего соперника Адриена Буальдье, записал, бросил писать и умер 43 лет от роду. Вторую, лучшую из трех десятков опер Николо, "погубила" явившаяся в 1817 году россиниевская "Cenerentola". Под напором тетки простодушная парижанка стужевалась, потом в 1845-м подала голосок еще раз и — забылась летаргическим сном на полтора столетия. То есть до этой вот московской постановки.

Бониндж пригласил на нее всех тех, с кем работал в России три года назад — "Ансамбль

XXI Москва" Лиджи О'Риордан, Детскую хоровую капеллу Мари Струве, вокалистов Людмилу Шилову (Золушка), Николая Дорожкина (Принц), Валерия Планкина (папаша-Барон). Плюс на небольшую роль слуги Дандини Андрея Андрианова "со стороны", а также трех зарубежных певцов, знакомых маэстро по мастер-классам, которые они с супругой Джоан Сазерленд дают по всему миру, — это кореянка Бьонг Сун Ли (Клоринда), финка Мариан Сьеландер (Тисба) и голландец Питер Херман (Алидор).

Искусно подобрав команду по части "породы" (все голоса, включая оркестровый, небольшие и подвижные), дирижер добился от каждого мягкости и чистоты тона, сделал по меньшей мере с десяток приличных и отличных вокальных ансамблей ("Золушка" — очень "ансамблевая" опера), представил поистине поющий оркестр и явил в собственном лице как типичного антиквара, не знающего большей радости, чем огладить руками свой фарфоровый черепок, так и блестящего миниатюриста — каждая фраза им выточена, что твоя камья. Махнем рукой на кое-какие исполнительские изъяны — они пустяк. Другая чаша весов легко перевесит: там стиль, вкус, словом, такой класс оперного музицирования, который нам в редкость... Но, Боже мой, — какая скука!

Камеи и камерные голоса терлись в машине Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, представившего свою сцену под проект Бонинджа. Здесь рычат Отелло, рыдают Канио, а что эта "Золушка"? Затянувшийся дивертисмент, где одна красивая мелодия перетекает в другую (точнее, перескакивает — через неперенные во французской опера комик разговорные диалоги). Драматические

развороты, психологизм ей неизвестны. Бурные приключения и характеры, заключенные в либретто, — лишь слова на бумаге. Мальтиец оказался певцом изысков, и только. Кто ж еще мог отдать все три женские партии "одинаковым" легким сопрано! Золушка и ее сестры — антиподы? Не мучайся этим, эстет-меломан, "дегустируй" нюансы (в нашем случае нюансы — это славянское тепло Шиловой, сухая графика финки и соловьиная красота кореянки). Добавим, что, кроме трех сопрано, из всего спектра вокальных голосов в опере задействованы лишь тенора Принц и Дандини да баритоны Алидор с Бароном, и — пресная с точки зрения театра картина мира "от Николо" завершена. Пусты все исполнители в ход актерское мастерство (приличное в рамках концертного исполнения), картина, может быть, чуть изменилась бы. Но, как свидетельствует результат, маэстро требовал от своей команды лишь верности музыкальной "букве", а ее вывозил не Верди и не Монтеверди, словом — не драматург.

В итоге: "Дитя своего времени, музейный экспонат", — сурово констатируют театральные стены. Но все будут счастливы. Опера, которую запишут тут же и в том же составе на CD, попадет в куда более подходящую для себя стихию — поскольку что же еще есть звукозапись, как не своего рода музей? Коллекционер Ричард Бониндж пометит с чувством удовлетворения против еще одной вещицы в своем каталоге: "выставлялась". Музыканты не сразу забудут работу с мастером (даже двумя: после уроков продюсера проекта Мари Клер все с французским теперь на "ты"). А о радостях пытливого меломана и говорить излишне.

Лариса ДОЛГАЧЕВА